

LADY
FANTASY

КОРОНА

35 претендентов на ее руку и сердце!
Кого она выберет?

КИРА КАСС

Кира Касс

Корона

Серия «Отбор», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22055645
Касс К. Корона : роман: Азбука, Азбука-Амтикус; СПб; 2016
ISBN 978-5-389-12429-5

Аннотация

«Корона» – это удивительно романтическая и последняя книга в серии «Отбор».

Идлин соглашается снова устроить Отбор только для того, чтобы отвлечь внимание подданных, ведь, по ее мнению, найти среди тридцати пяти незнакомых юношей настоящую любовь невозможно. Довольно быстро и достаточно жестко принцесса избавляется от большинства претендентов на ее руку и корону. Однако из-за событий во дворце Идлин оказывается в центре внимания, ее решения ожидает вся страна. Даже если она не найдет настоящую любовь, как сумели найти ее родители, Идлин должна сделать свой выбор. Но порой сердце способно удивить вас...

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Кира Касс

Корона

*Посвящается Гайдону и Зузу, моим лучшим
маленьким героям*

Kiera Cass

THE CROWN

Copyright © 2016 by Kiera Cass

All rights reserved

© О. Александрова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

– Мне очень жаль, – сказала я, морально подготовившись к неизбежному.

Когда начался Отбор, я знала: в конце концов мне придется расстаться с десятками Избранных, хотя многие из них еще явно не готовы покинуть сцену. Однако за прошедшие несколько недель я успела по достоинству оценить доброту, ум и великодушие некоторых претендентов, и процедура столь массового отсева буквально разрывала мне сердце.

Они были мне верны, а я их предала. Но отсев станет реальным лишь после того, как об этом объявят на всю страну, и всем им придется дождаться официального заявления.

– Я понимаю, что это кардинальная мера, но, учитывая слабое здоровье моей матери, отец возложил на меня еще больше обязанностей, и внутренний голос подсказывает мне, что единственный способ справиться с ними – ускорить процесс Отбора.

– А как себя чувствует королева? – осторожно спросил Хейл.

Я горестно вздохнула:

– Она плохо... очень плохо выглядит.

Папа не хотел меня к ней пускать, но я все-таки уломала его. Я поняла его сомнения, едва переступив порог маминной комнаты. Мама спала, установленный рядом монитор пока-

зывал слабый сердечный ритм. Она только что перенесла тяжелейшую операцию, во время которой докторам пришлось заменить вену в груди на вену, извлеченную из ноги.

Один из докторов сказал, что они едва не потеряли больную, но все же сумели вернуть к жизни. Я села возле мамы, взяла за руку. Глупо, конечно, но я специально ссутулилась в наивной надежде, что мама очнется и велит мне выпрямиться. Но чуда не произошло.

– Однако она пока жива. А вот мой папа... он...

Рауль успокаивающе положил мне руку на плечо:

– Не волнуйтесь, ваше высочество. Мы всё понимаем.

Я обвела глазами парней, на секунду задержав взгляд на каждом, чтобы сохранить в памяти их облик.

– Кстати, для сведения, я вас ужасно боялась, – призналась я под сдержанные смешки Избранных. – Спасибо большое, что рискнули испытать судьбу и проявили себя как настоящие джентльмены.

Внезапно появившийся гвардеец деликатно откашлялся, стараясь привлечь мое внимание:

– Простите, миледи, но пора начинать передачу. Съёмочная группа хочет проверить... э-э-э... – Он неуверенно помахал рукой. – Прическу и все такое.

– Благодарю. Еще одна секунда – и я в их распоряжении. – Когда гвардеец ушел, я снова обратилась к мальчикам: – Надеюсь, вы извините меня за это групповое прощание. И я хочу пожелать вам счастья и удачи в будущем.

Когда я покидала Мужскую гостиную, мне вслед донеслись произнесенные хором тихие слова прощания. Закрыв за собой дверь, я сделала глубокий вдох и внутренне собралась. *Ты – Идлин Шрив, и в мире нет никого – буквально никого – могущественнее тебя.*

Во дворце царила зловещая тишина. А ведь еще совсем недавно мама со своими придворными дамами весело сновали туда-сюда, и залиvistый смех моего брата Арена эхом разносился по широким коридорам. Нет, верно говорят люди: имеешь – не жалеешь, потеряешь – плачешь.

Я расправила плечи и решительно направилась в студию. – Ваше высочество. – Придворные приветствовали меня, дамы приседали в реверансе и уступали мне дорогу, смущенно отводя глаза – то ли из сочувствия, то ли потому, что уже знали, чему будет посвящена программа «Вестей».

– Ой, – поморщилась я, посмотрев в зеркало. – Лицо немного блесит. Не могли бы вы...

– Конечно, ваше высочество. – Девушка припудрила мне щеки и лоб.

Я поправила высокий кружевной воротник платья. Когда я одевалась сегодня утром, то черный цвет показался мне наиболее уместным, если учесть общее настроение во дворце, но сейчас меня вдруг одолели сомнения.

– Я выгляжу слишком серьезно, – посетовала я. – Не впечатлительно серьезно, а озабоченно серьезно. Нет, это никуда не годится.

– Вы прекрасно выглядите, миледи. – Гримерша подкрасила мне губы более яркой помадой. – Совсем как ваша матушка.

– Вовсе нет. – Я грустно вздохнула. – И волосы, и кожа, и глаза совершенно другие.

– Я не это имела в виду. – Девушка, этакая сдобная пышечка, с копной падающих на лоб непослушных кудряшек, застыла и посмотрела на мое отражение в зеркале. – Взять, к примеру, ваши глаза. Пусть они другого цвета, но взгляд такой же решительный, как у нее. А ваши губы! Вы улыбаетесь точь-в-точь как она. Не менее обворожительно. Да, я знаю, мастью вы пошли в бабушку, и тем не менее вы очень похожи на вашу маму.

Бросив взгляд в зеркало, я убедилась в том, что она права. И мне в этот, не самый веселый, момент своей жизни вдруг стало не так одиноко.

– Спасибо. Мне было приятно это слышать.

– Миледи, мы все молимся за нее. Она стойкий оловянный солдатик.

– Да, она такая. – Несмотря на мрачное настроение, я не смогла сдержать улыбку.

– Две минуты! – крикнул помощник режиссера.

Я одернула платье, пригладила волосы и вышла на устланную коврами сцену. В студии было холоднее обычного, и, пока я шла к своему месту возле подиума, моя кожа моментально покрылась мурашками.

Гаврил, одетый немного неформально, но элегантно, сочувственно мне улыбнулся:

– Вы уверены, что хотите пройти через все это? Я с радостью избавлю вас от столь тягостной процедуры и сам сообщу новости.

– Благодарю, но, по-моему, я должна сделать это лично.

– Ну тогда ладно. Как у нее дела?

– Час назад все вроде бы было нормально. Доктора держат ее в состоянии сна, чтобы она быстрее поправлялась, но вид у нее измученный. – Я на секунду закрыла глаза. – Простите. Я дошла до точки. Но, в отличие от папы, пока держусь.

Гаврил покачал головой:

– Впервые встречаю человека, который так тяжело переживает болезнь жены. Но с первого момента их встречи она стала для него буквально центром мироздания.

Я вспомнила прошлую ночь, фотографии на стене их спальни и тщательно перебрала в памяти подробности их знакомства, которые они лишь недавно обнародовали. У меня до сих пор не укладывалось в голове, стоило ли отчаянно бороться за свою любовь, преодолевать множество препятствий, чтобы потом из-за нее же проклятой лишиться последних сил.

– Гаврил, вы ведь там были. И видели их Отбор, – неуверенно начала я. – Неужели это действительно работает? И как?

– Ваш Отбор – третий на моей памяти, но я до сих пор не

могу объяснить, как все работает, как в этой лотерее можно вытянуть счастливый билет и найти родную тебе душу. Но я вам вот что скажу. Я не слишком жаловал вашего дедушку, однако справедливости ради стоит заметить, что он боготворил свою королеву. И если с другими он обходился сурово и круто, то ее он всегда носил на руках. Она помогла ему раскрыть себя с лучшей стороны, это все, что я могу сказать... Одним словом, он сделал правильный выбор.

Я задумчиво сощурилась, пытаюсь понять, почему Гаврил чего-то недоговаривает. Да, я знала, что дедушка твердой рукой правил страной, но, если хорошенько подумать, этим мои знания и ограничивались. Папа никогда особо не распространялся о своем отце, а мне гораздо интереснее было слушать про бабушку.

– А ваш отец? Сомневаюсь, что он поначалу четко представлял, кого собственно хочет найти. Если честно, то же можно сказать и о вашей матушке. Но она ему во всех отношениях идеально подходила. И окружающие это заметили даже раньше их.

– Неужели? – удивилась я. – Они не понимали?

Гаврил скорчил гримасу:

– Честно признаться, в этом она не одинока. – Он бросил на меня многозначительный взгляд. – Похоже, это ваша фамильная черта.

– Гаврил, вы один из тех немногих людей, кому я могу довериться. Видите ли, дело даже не в том, что я сама не

знаю, кого именно ищу. А скорее, в том, что я еще не готова кого-то искать.

– Вот и я удивлялся...

– Но сейчас я здесь.

– Совершенно одна и без моральной поддержки. Но если вы захотите продолжить Отбор, хотя после вчерашних событий никто не стал бы вас осуждать, если бы вы отказались, то решение целиком и полностью ляжет на вас.

– Знаю. Поэтому мне так страшно.

– Десять секунд! – крикнул помощник режиссера.

Гаврил похлопал меня по руке:

– Я всегда к вашим услугам, ваше высочество.

– Благодарю.

Я расправила плечи перед камерой, где уже замигала красная лампочка, и постаралась принять спокойный вид.

– Доброе утро, жители Иллеа. Я, принцесса Идлин Шрив, хочу ознакомить вас с последними событиями, произошедшими в королевской семье. Начнем с хороших новостей. – Я попыталась улыбнуться, честно попыталась, но единственное, о чем я могла думать, – это о том, какой одинокой я себя чувствовала. – Мой возлюбленный брат, принц Арен Шрив, сочетался узами брака с французской принцессой Камиллой де Советер. И хотя столь скоропалительный брак стал для нас некоторой неожиданностью, это нисколько не умаляет нашей радости за счастливую чету. Надеюсь, вы присоединитесь ко мне и пожелаете им счастья в личной жизни. – Тут

я сделала паузу. *Идлин, ты сможешь.* – А теперь – к печальным новостям. Прошлой ночью моя мать, Америка Шрив, королева Иллеа, перенесла обширный инфаркт. – Я замолчала. Слова застревали в горле, мне было все труднее и труднее говорить. – Она в критическом состоянии и под постоянным медицинским наблюдением. Прошу вас, помо... – Я поднесла руку ко рту. Еще немножко – и я разрыдаюсь. Потеряю контроль на глазах у всей страны. Но, учитывая все то, что, если верить Арену, люди думают обо мне, я решительно не могла допустить, чтобы они сочли меня еще и слабой. Нет, я нужна маме. Нужна папе. И в определенной степени – своей стране тоже. Я не имела права их разочаровывать. Мужественно сглотнув слезы, я продолжила: – Пожалуйста, помолитесь о ее скорейшем выздоровлении, ведь мы все обожаем королеву и нуждаемся в ее чутком руководстве. – Я перевела дух. Единственный способ спокойно перейти к следующему пункту повестки дня. Вдох – выдох. – Моя матушка с большим уважением относилась к процедуре Отбора, ибо, как вам всем хорошо известно, именно Отбор положил начало их долгому и счастливому браку с отцом. Поэтому в дань уважения моей дорогой матушке я решила исполнить ее горячее желание и продолжить свой собственный Отбор. Однако, учитывая невероятное напряжение, в котором последние сутки находятся все обитатели дворца, я решила, что будет разумнее сократить число претендентов, оставив лишь Элиту. В свое время мой отец из-за непредвиденных обсто-

ательств сократил число Избранных до шести человек вместо десяти, и сегодня я хочу последовать его примеру. Участие в Отборе продолжают следующие шесть джентльменов: сэр Ганнер Крофт, сэр Кайл Вудворк, сэр Ин Кейбл, сэр Хейл Гарнер, сэр Фокс Уэсли и сэр Генри Йакоппи.

Назвав их имена, я неожиданно почувствовала странное успокоение. Я знала, как они сейчас горды и счастливы, и лучи их радости согревали меня даже на расстоянии.

Похоже, дело почти сделано. Теперь все знают, что Арен уехал, что мама лежит при смерти, но Отбор тем не менее продолжится. Оставалась только одна новость, которую я оставила на закуску. Да и вообще, мне было безумно страшно. Благодаря Арену я точно знала, что думают обо мне наши подданные. Ну и какого ответа мне стоит ждать?

– В связи с тяжелым состоянием жены мой отец, Максон Шрив, принял решение оставаться у ее постели. – *Ну вот и все.* – И назначил меня регентшей до тех пор, пока он не сможет вернуться к исполнению своих королевских обязанностей. Таким образом, до получения приказа о прекращении моих полномочий я буду заниматься всеми государственными делами. Я с тяжелым сердцем возлагаю на себя это почетное бремя, однако счастлива, что могу дать родителям возможность получить передышку. По мере поступления новой информации все жители королевства будут своевременно извещены. Благодарю за внимание, и хорошего вам дня.

Камеры потухли, и я, сойдя со сцены, опустилась на один

из стульев, предназначенных для королевской семьи. Ужасно кружилась голова, и, будь у меня такая возможность, я просидела бы здесь несколько часов, чтобы прийти в себя, но дела не могли ждать. В первую очередь следовало проверить, как там родители, а затем приступить к работе. Кроме того, надо было непременно встретиться с Элитой.

Когда я направилась к выходу, путь мне преградила компания парней. Ближе всех ко мне стоял Хейл. Просияв, он протянул мне цветок:

– Это вам.

Оглядев ребят, я поняла, что каждый из них держит в руках по цветку, некоторые цветы были вырваны прямо с корнями. Похоже, услышав свои имена, они из Мужской гостиной бросились в сад, а оттуда пришли прямо сюда.

– Нет, ну надо же быть такими идиотами, – вздохнула я. – Спасибо большое.

Я взяла цветок и обняла Хейла.

– Ведь я обещал каждый день чем-нибудь вас удивлять, – прошептал он. – Но если пожелаете, я могу удвоить усилия.

Я обняла его еще крепче:

– Спасибо.

Ин был следующим, и хотя мы обнимались с ним лишь для постановочных фото нашего свидания, у меня неожиданно появилось желание прижать его к себе.

– Что-то подсказывает мне, что тебя втянули в эту авантюру, – промурлыкала я.

– Я взял цветок из вазы в холле. Только не выдавайте меня слугам. – Я похлопала его по спине, и он, ответив мне тем же, добавил: – У нее все будет в порядке. И у вас тоже.

Кайл, успевший поранить руку шипом, неловко отставил палец в сторону, чтобы, не дай бог, не закапать меня кровью. Я не выдержала и улыбнулась.

– Желаю вам как можно больше улыбок! – сказал Генри, и я добавила его цветок к своему растрепанному букету.

– Хорошо-хорошо, – кивнула я, и он рассмеялся.

Даже Эрик принес мне цветок.

– Но это же простой одуванчик, – хмыкнула я.

– Ну и что, – пожал он плечами. – Кто-то видит сорняк, а кто-то цветок. Зависит от того, как посмотреть.

Я закинула руки ему на плечи, и он, явно смущенный тем, что его приравнили к остальным, растерянно оглянулся на своих товарищей.

Фокс сжимал в руке сразу три цветка:

– Не смог выбрать, какой лучше.

– Они все прекрасны. Благодарю, – улыбнулась я.

Объятие Фокса оказалось неожиданно крепким, словно он нуждался в поддержке больше других. Погладив его по плечу, я бросила взгляд на свою Элиту.

Да, весь этот процесс по-прежнему казался мне лишенным смысла, однако теперь я понимала, как он работает, как заставляет немножко быстрее биться сердце. И у меня в душе вдруг затеплилась надежда, что в один прекрасный день

долг и любовь пересекутся и я наконец обрету свое счастье.

Глава 2

Мамины руки казались такими мягкими, а кожа – тонкой, как бумага. Мне на ум невольно пришла поговорка, что вода камень точит. Я улыбнулась. Похоже, мама в свое время была твердым камешком.

– А ты когда-нибудь была неправа? – поинтересовалась я. – Говорила нехорошие слова, делала нехорошие вещи?

Я ждала ответа, но слышала лишь жужжание аппаратуры и пощелкивание монитора.

– Ну, вы ведь с папой иногда цапались, значит и ты иногда ошибалась? – Я крепче сжала ее руку, пытаюсь согреть своим теплом. – Знаешь, я сделала несколько объявлений. Теперь все знают, что Арен женился, что ты немного... нездорова. И уменьшила число Избранных до шести. Я понимаю, это кардинальная мера, но папа сказал, что все нормально и он в свое время сделал то же самое. – Я вздохнула. – Однако, как ни крути, похоже, люди все равно будут мной недовольны.

Я сглотнула слезы, чтобы мама, не дай бог, не почувствовала, как мне страшно. По мнению докторов, инфаркт, скорее всего, был спровоцирован шоком от внезапного отъезда Арена, и все же я постоянно задавала себе вопрос: не было ли в маминой болезни и моей вины? Ведь я постоянно вымещала на ней свое недовольство. Наверное, вот так день за днем можно травить человека малыми дозами яда, но обна-

ружится все только тогда, когда последствия станут необратимыми.

– Так или иначе, как только вернется папа, я планирую собрать наших советников. Папа уверяет, что это совсем не трудно. Если честно, то, по-моему, тяжелее всего сейчас приходится генералу Леджеру. Ведь ему надо заставить папу, который не отходит от твоей постели, хоть немного поесть. Однако генерал проявил завидную настойчивость, и папа в конце концов сдался. Я рада, что он здесь. Я имею в виду генерала Леджера. У меня словно появился второй отец. – Я чуть сильнее сжала ее руку и наклонилась пониже. – Но, пожалуйста, не заставляй меня искать вторых родителей, хорошо? Ты мне по-прежнему очень нужна. И мальчикам ты тоже нужна. А наш бедный папочка... У меня такое чувство, что он не перенесет твоего ухода. Так что, когда настанет пора просыпаться, возвращайся обратно, договорились?

Я ждала, что она дернет уголок рта или пошевелит пальцами, даст хоть какой-нибудь знак, что слышит меня. Ничего.

Но тут в комнату вихрем ворвался отец, а следом появился генерал Леджер. Я поспешно утерла слезы. Надеюсь, никто ничего не заметил.

– Вот видите, – обратился к отцу генерал Леджер, – ее состояние стабильно. Если бы что-нибудь изменилось, сюда бы сбежались все доктора.

– И тем не менее я предпочитаю быть здесь, – отрезал

отец.

– Папа, тебя не было меньше десяти минут. Ты хоть успел поесть?

– Успел. Аспен, скажи ей.

– Если это можно назвать едой, – сокрушенно вздохнул генерал Леджер.

Отец наградил его взглядом, способным привести в трепет кого угодно, но только не генерала Леджера.

– Ладно, если вы отказываетесь уходить, попробую как-нибудь пронести сюда еду, – улыбнулся генерал.

– Ты там присматривай за моей девочкой, – кивнул папа.

– Будет сделано. – Генерал Леджер подмигнул мне, и я вышла вслед за ним из комнаты, уже в дверях оглянувшись на маму.

Она все еще спала.

В коридоре генерал протянул мне руку:

– Вы готовы, моя без пяти минут королева?

Я взяла его под руку и с улыбкой сказала:

– Нет. Но надо идти.

По дороге в зал для совещаний я едва не попросила генерала Леджера сделать еще один круг по этажу. День выдался насыщенным, и я вдруг засомневалась, что выдержу дополнительную нагрузку.

Чепуха, одернула я себя. Ты сто раз сидела на этих совещаниях. И твои мысли всегда совпадали с тем, что говорил папа. Конечно, ты впервые будешь вести столь высокое со-

брание, но это в любом случае рано или поздно должно было произойти. Да и вообще, господи божье мой, сегодня никто из советников не будет на тебя наезжать, ведь у твоей матери только что случился инфаркт.

Я демонстративно распахнула дверь, генерал Леджер прикрывал меня с тыла. И я принялась старательно кивать каждому, мимо кого в данный момент проходила. Сэр Эндрюс, сэр Кодли, мистер Расмус и еще несколько человек, которых я знала уже много-много лет, заняли свои места, с бумагой и ручками наготове. Леди Брайс с гордостью следила за тем, как я направляюсь к папиному креслу. Впрочем, так же как и генерал Леджер, устроившийся рядом с ней.

– Доброе утро. – Я села во главе стола, бросив взгляд на лежавшую передо мной тонкую папку.

Повестка дня, слава богу, оказалась не слишком насыщенной.

– Как себя чувствует ваша матушка? – спросила леди Брайс.

Пожалуй, стоило заранее написать ответ на специальной табличке, чтобы не повторять одно и то же, как попугай.

– Она все еще спит. Не знаю, насколько критично ее состояние на данный момент, но папа не отходит от ее постели. Если произойдут какие-либо изменения, мы непременно об этом сообщим.

Леди Брайс грустно улыбнулась:

– Не сомневаюсь, что она поправится. Она у нас крепкий

орешек.

Мне с трудом удалось скрыть удивление. Надо же, я и представить не могла, что леди Брайс так хорошо знает маму. По правде говоря, мне практически ничего не было известно о леди Брайс, но меня подкупил ее искренний тон. И мне стало легче при мысли о том, что в этот ответственный момент она сидит рядом со мной.

– Ладно, давайте начнем, – кивнула я. – Чтобы можно было сообщить маме, что мой первый день на новом рабочем месте прошел более-менее продуктивно.

По комнате пронеслись сдержанные смешки, но моя улыбка сразу увяла, как только я прочитала первую страницу лежавшего передо мной текста.

– Надеюсь, это шутка, – сухо обронила я.

– Нет, ваше высочество.

Я перевела взгляд на сэра Кодли.

– По нашему мнению, это был целенаправленный шаг для ослабления Иллеа, а поскольку ни король, ни королева не дали согласия, Франция решила похитить вашего брата. Этот брак пахнет предательством, поэтому у нас не остается иного выбора, как объявить войну.

– Сэр, уверяю вас, тут нет никакого предательства. Камилла – весьма здравомыслящая девушка. – Хотя, если честно, это признание далось мне с трудом. – А вот Арен у нас – романтическая натура. Не сомневаюсь, именно мой брат уговорил ее на эту авантюру. Да-да, только так и не иначе.

Я сделала шарик из бумаги с меморандумом об объявлении войны, категорически не желая обсуждать тему военных действий.

– Миледи, вы не можете вот так просто отмахнуться от нашего предложения, – с жаром произнес сэр Эндрю. – Напряженность между Иллеа и Францией существует уже много лет.

– Однако в данном случае здесь затронуты скорее личные отношения, нежели политика, – вступилась за меня леди Брайс.

Сэр Кодли досадливо отмахнулся:

– Что лишь усугубляет ситуацию. Королева Дафна демонстрирует силу, полагая, что в связи с обрушившимися на королевскую семью несчастьями мы не дадим ей отпора. Но на сей раз она просчиталась. Ну скажите же ей, генерал!

Леди Брайс лишь разочарованно покачала головой. Но слово уже взял генерал Леджер.

– Ваше высочество, могу сказать лишь одно: по вашему приказу мы за двадцать четыре часа сумеем привести в боевую готовность наземные и воздушные войска. Однако я настоятельно не рекомендую вам отдавать подобный приказ.

– Леджер, да объясни же ей наконец, перед лицом какой угрозы находится наша страна! – фыркнул Эндрюс.

– Лично я пока не вижу никакой угрозы, – пожал плечами генерал Леджер. – Ну и что с того, что ее брат женился?

– Я вам больше скажу, – вмешалась я в разговор. – Разве

этот союз не поможет сближению наших стран? И разве не для этого принцесс испокон веку отдавали замуж на сторону?

– Однако их замужество было частью государственного плана. – Судя по его тону, Кодли явно считал, будто у меня еще нос не дорос, чтобы вмешиваться в разговор важных государственных мужей.

– Вот и я о том же, – парировала я. – Мы все прекрасно знали, что Арен и Камилла собираются пожениться. Просто все произошло несколько раньше, чем мы ожидали.

– Нет, она не понимает, – пробормотал Кодли, обращаясь к Эндрюсу.

Сэр Эндрюс укоризненно покачал головой:

– Ваше высочество, это предательство.

– Сэр, это любовь.

Кодли стукнул кулаком по столу:

– Если вы не сумеете действовать решительно, никто не будет воспринимать вас всерьез!

Его громогласный голос эхом раскатился по комнате, и присутствующие сразу притихли.

– Отлично, – спокойно ответила я. – Вы уволены.

Кодли расхохотался и обвел глазами сидевших за столом мужчин:

– Ваше высочество, вы не можете меня уволить.

Я склонила голову и вызывающе уставилась на него:

– Уверяю вас, что могу. В данный момент здесь нет никого

выше меня по положению, а вот найти вам замену – просто, как дважды два.

Леди Брайс, старавшаяся не привлекать к себе внимания, поджала губы, с трудом сдерживая смех. Что ж, похоже, я приобрела в ее лице надежную союзницу.

– Мы должны с оружием в руках отстаивать свои интересы! – не сдавался Кодли.

– Нет! – твердо сказала я. – Война лишь добавит напряжения в этот и так нелегкий для королевства момент и приведет к разрыву отношений со страной, с которой, благодаря этому браку, мы теперь связаны крепкими узами.

Кодли набычился и прищурился:

– А вам не кажется, что вы слишком эмоционально все воспринимаете?

Я стремительно поднялась с места, громко скрипнув стулом:

– Ну, я прекрасно понимаю, на что вы намекаете. Вы, вероятно, хотите сказать, у меня слишком женский подход. Что ж, ваша правда. Я действительно очень эмоциональна. – Я стремительно обошла стол, не спуская глаз с Кодли. – Моя мать лежит в постели с трубками в горле, мой брат-близнец сейчас на другом континенте, а мой отец держится буквально из последних сил. – Остановившись напротив Кодли, я продолжила: – У меня два маленьких брата, нуждающихся в моей заботе в свете последних событий, под моим началом огромная страна, и я должна отдать свою руку одному

из шести парней, которые сейчас ждут внизу. — Кодли нервно сглотнул, и мне вдруг на секунду стало стыдно за возникшее в душе чувство злорадного удовлетворения. — Так что да, я сейчас очень эмоциональна. Как любой другой человек на моем месте. А вот вы, сэр, — вы самый настоящий идиот. И вы еще имеете наглость принуждать меня принять такое судьбоносное решение, как объявление войны, при столь незначительных для того основаниях! Как бы там ни было, я королева, и вы не втянете меня в безумную авантюру. — Я вернулась на свое место во главе стола. — Офицер Леджер?

— Да, ваше высочество?

— Скажите, в сегодняшней повестке имеются срочные вопросы, которые нельзя отложить до завтра?

— Нет, ваше высочество.

— Хорошо. Все свободны. И надеюсь, ко времени нашей следующей встречи вы наконец усвоите, кто здесь главный.

Я закончила, и все, кроме леди Брайс и генерала Леджера, встали и поклонились, довольно низко, как я успела заметить.

— Вы были изумительны, ваше высочество! — похвалила меня леди Брайс, когда мы остались втроем.

— Неужели? Вы только посмотрите на мои руки!

— Вижу, вижу. Они дрожат.

Я с силой сжала руку в кулак, чтобы унять дрожь.

— Но я ведь все правильно сделала, да? Они не могут заставить меня подписать приказ об объявлении войны!

– Нет, – заверил меня генерал Леджер. – Однако вам, должно быть, известно, что некоторые горячие головы мечтают о колонизации Европы. Полагаю, в данном случае они попытались сыграть на вашей неопытности, но вы все сделали правильно.

– Папа точно не одобрил бы ввязывания в новую войну. Он правил под девизом сохранения мира.

– Абсолютно точно, – улыбнулся генерал Леджер. – И ваш отец может гордиться тем, как твердо вы отстаивали ваши позиции. Пожалуй, мне стоит навестить к нему, чтобы все рассказать.

– А что, если я пойду с вами? – Меня тянуло вернуться в палату. Хотелось услышать треск монитора, свидетельствующий о том, что мамино сердце на месте, что оно работает.

– Нет, дела не ждут. Но, как только смогу, непременно сообщу вам о самочувствии вашей матушки.

– Благодарю, – бросила я ему вслед, когда он повернулся, чтобы выйти из комнаты.

Леди Брайс задумчиво сложила руки и спросила:

– Ну как, вам уже лучше?

Я уныло покачала головой:

– Я знала, что это нелегкий труд. И всегда старалась вносить посильную лепту, да и вообще, я десятки раз видела, как это делает папа. Но сейчас меня просто застали врасплох. И то, что мне пришлось взять на себя эту ношу из-за мамино-го критического состояния, оказалось для меня некоторым

перебором. И что мы имеем?! Через пять минут после того, как я стала регентшей, мне предлагают принять решение об объявлении войны! Нет, я категорически к этому не готова.

– Ладно, начнем с главного. Вам не стоит стараться быть для всех идеальной. Поскольку все это лишь временно. Ваша мама пойдет на поправку, ваш папа вернется к делам, а вы продолжите обучение, имея за плечами полезный опыт. И сегодняшнюю ситуацию следует рассматривать как пробу пера. Шанс проверить свои возможности. – (Я тяжело вздохнула. Временно. Шанс. О'кей.) – Более того, вам не придется все вопросы решать самой. На то есть советники. Согласна, сегодня от них было мало проку, но мы всегда к вашим услугам, чтобы не прокладывать курс без карты.

Я прикусила губу и задумалась:

– Хорошо. А что мне делать сейчас?

– Во-первых, быть последовательной и уволить Кодли. Тогда остальные поймут, что слова у вас не расходятся с делами. Мне он никогда не нравился, и, по-моему, ваш отец держал Кодли исключительно для того, чтобы тот играл роль адвоката дьявола и давал возможность рассмотреть вопрос со всех сторон. И можете мне поверить, его уход не будет такой уж большой потерей, – сухо заметила леди Брайс. – Во-вторых, считайте, что у вас практические занятия по управлению королевством. Старайтесь окружать себя людьми, которых вы хорошо знаете и которым всецело доверяете.

– Но у меня такое чувство, будто все они меня покинули.

Она покачала головой:

– А вы приглядитесь повнимательнее. И возможно, найдете друзей там, где меньше всего ожидаете.

В очередной раз я увидела леди Брайс в новом свете. Она исполняла свою роль дольше, чем кто бы то ни было. И, как правило, уже заранее знала, какое решение примет король. Да и вообще, кроме меня, она была единственной женщиной в этой комнате.

Леди Брайс заглянула мне в глаза, заставив сосредоточиться:

– Кто из вашего окружения не способен кривить душой? Кто будет стоять за вас горой, но не из-за вашего благородного происхождения, а потому что вы – это вы?

Я улыбнулась, так как теперь твердо знала, куда мне стоит пойти после нашего разговора.

Глава 3

– Меня?

– Да, тебя.

– Вы уверены?

Я положила руки Нине на плечи:

– Ты всегда говорила мне правду, пусть и горькую. Ты мирилась с худшими проявлениями моего характера, и ты слишком умна, чтобы до конца жизни складывать мое белье.

Нина просияла, смахнув наворачнувшиеся на глаза слезы:

– Фрейлина... Но что это значит?

– Нечто среднее между компаньонкой, которой ты уже являешься, и помощницей в повседневных делах. Тебе придется составлять мое расписание и следить за тем, чтобы я не забывала поесть.

– Ну, с этим я как-нибудь справлюсь, – улыбнулась Нина.

– Ой-ой, я совсем забыла о главном! – Я всплеснула руками, собираясь сообщить Нине о самом волнующем моменте ее новой работы. – Тебе больше не придется носить униформу! Так что живо беги переодеваться!

– Сомневаюсь, что в моем гардеробе найдутся подходящие случаю туалеты, – хмыкнула Нина. – Но к завтрашнему дню я что-нибудь придумаю.

– Глупости. Просто поройся в моем шкафу.

– Нет, я не могу, – закатила глаза Нина.

– Хм... Ты не только можешь, но и обязана это сделать. – Я показала на широкие дверцы шкафа. – Оденься и жди меня в кабинете, а там мы с тобой начнем мало-помалу со всем разбираться.

Она кивнула и впервые обняла меня так, как обнимают только близких друзей.

– Спасибо вам.

– Это тебе спасибо, – поправила я Нину.

– Я вас не подведу.

Слегка отстранившись, я посмотрела ей в лицо:

– Знаю. Кстати, вот тебе и первое задание. Срочно найди мне новую служанку.

– Нет проблем.

– Отлично. Тогда до скорого.

И я с легким сердцем выбежала из комнаты. Ведь всегда приятно знать, что у тебя есть сторонники. Генерал Леджер будет отстаивать мои интересы перед папой с мамой, леди Брайс станет моим главным советником, а Нина поможет мне нести груз повседневных забот.

Теперь-то я хорошо понимала, почему мама так хотела, чтобы я нашла себе пару. И я твердо решила это сделать. Нужно было только немного времени, чтобы понять как.

В полдень я уже нервно мерила шагами коридор возле Мужской гостиной в ожидании Кайла. Мои отношения с Кайлом складывались не так просто, как с остальными Из-

бранными, но зато с ним я чувствовала себя гораздо свободнее.

– Привет, – обнял меня Кайл. Попробовал бы он сделать это месяц назад, я непременно вызвала бы гвардейцев. – Как поживаешь?

Немного помолчав, я ответила:

– Как ни странно, ты единственный человек, кто этим поинтересовался. Думаю, я в порядке. Когда дел по горло, некогда хандрить. Но стоит немножко сбавить темп, и я становлюсь сплошным комком нервов. Папа разваливается прямо на глазах. И меня убивает, что Арен не вернулся домой. Я надеялась, что, узнав о маме, Арен сразу примчится, но он даже не позвонил. Ну хоть позвонить-то он мог!

Заметив, что я уже на взводе, Кайл взял меня за руку:

– Успокойся. И давай пораскинем мозгами. Прилетев во Францию, он в тот же день женился. И его ожидала куча бумажной волокиты и прочей ерунды. Так что вполне возможно, он даже не в курсе наших событий.

– Похоже, ты прав, – удрученно кивнула я. – И я твердо знаю, что ему не все равно. Перед отъездом он оставил мне письмо. Письмо очень честное и откровенное. Я не вправе сомневаться в Арене.

– Вот видишь, ты сама все понимаешь. Прошлой ночью у твоего отца был такой вид, словно ему самому нужен врачебный уход. А теперь он ни на шаг не отходит от твоей мамы. Это создает у него ощущение, будто он держит все под

контролем, что далеко не так. Но твоя мама смогла пережить самое худшее, да и вообще она всегда была бойцом. Взять хотя бы случай с послом!

– Ты имеешь в виду того, что представлял Союзное государство Парагвай – Аргентина? – усмехнулась я.

– Да! – воскликнул Кайл. – Картина маслом. Он всем хамил, напивался в хлам прямо с утра два дня подряд, и твоя мать не выдержала и за ухо выставила его за дверь.

– Ой, такое не забывается! Я еще помню, что потом были непрерывные телефонные звонки, дабы хоть как-то урегулировать вопрос с их президентом.

– Ладно, проехали! – отмахнулся Кайл. – Но запомни, твоя мать никому не давала себя в обиду. И если что-то грозило ее благополучию, она с этим в два счета разделялась.

– И то верно, – улыбнулась я.

Мы на секунду застыли, у меня на душе стало легко и спокойно. И я поняла, что безмерно благодарна Кайлу за все. Благодарна, как никому другому.

– У меня сегодня очень загруженный день, но, может, встретимся завтра вечером?

– Не вопрос, – кивнул он.

– Нам надо о многом поговорить.

Он озабоченно нахмурился:

– На тему?

Но тут мы с ним заметили вдали какую-то неясную фигуру и дружно обернулись.

– Прошу прощения, ваше высочество, – с низким поклоном обратился ко мне гвардеец. – Но к вам посетитель.

– Посетитель?

Гвардеец, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, сдержанно кивнул.

– Отлично, – вздохнула я. – Кайл, я с тобой позже свяжусь, идет?

Кайл ответил мне легким пожатием руки:

– Конечно. Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится.

Я с улыбкой проводила его глазами. Ну конечно, я всегда могу положиться на Кайла. В глубине души я твердо знала: все молодые люди в Мужской гостиной по первому зову бросятся мне на помощь, и серебристый луч надежды неожиданно разорвал сумрак трудного дня.

Я направилась к лестнице, теряясь в догадках, кто бы это мог быть. Если бы ко мне пришел кто-нибудь из членов семьи, его проводили бы в мою комнату, а если губернатор или кто-то из официальных лиц – принесли бы визитную карточку. Так что же это за важная персона такая, о приходе которой нельзя объявить?

Спустившись на первый этаж, я тотчас же получила ответ на вопрос, кем был мой неожиданный гость. От его ослепительной улыбки у меня перехватило дыхание.

Марид Иллеа уже много лет не появлялся во дворце. Последний раз, когда я видела его, он был долговязым подростком, не умевшим связать двух слов, чтобы поддержать раз-

говор. Однако сейчас его пухлые щеки приобрели угловатые очертания, настолько резкие, что, казалось, о них можно было пораниться, а его некогда тощие конечности окрепли и теперь натягивали ткань костюма, сидевшего на Мариде точно влитой. Марид стойко выдержал мой взгляд, и хотя его руки были заняты подарочной корзиной, он поклонился, наградив меня широкой уверенной улыбкой.

– Ваше высочество, – сказал он, – простите, что явился без приглашения, но когда мы слышали о вашей матушке, то сразу поняли, что должны что-то делать. Итак...

Он протянул мне корзину, доверху заполненную подарками. Цветы, книжки, перевязанные ленточками банки с супом и какие-то кондитерские изделия, выглядевшие настолько аппетитно, что мне тут же захотелось попробовать.

– Марид... – протянула я, вложив в свои слова одновременно и приветствие, и вопрос, и предостережение. – Ну это уже лишнее, учитывая сложившиеся обстоятельства.

Он лишь пожал плечами:

– Разногласия отнюдь не означают неспособности к сопереживанию. Наша королева больна, а потому это наименьшее, что мы могли сделать.

Я улыбнулась, растроганная его неожиданным появлением. И подала знак гвардейцу:

– Отнесите это в больничное крыло, пожалуйста.

Гвардеец забрал корзину с подарками, и я снова повернулась к Мариду:

– А почему твои родители не захотели приехать?

Он сунул руки в карманы и слегка поморщился:

– Они боялись, что их визит будет расценен скорее как политический, нежели личный.

– Ну, это вполне можно понять. И все же ты должен сказать им, чтобы не беспокоились. Им здесь всегда рады.

– Они так не думают. Особенно после того, как им показали на дверь, – вздохнул Марид.

Я поджала губы, события давно минувших дней ожили в моей памяти.

После смерти бабушки и дедушки Август Иллеа и мой отец некоторое время работали сообща над решением проблемы скорейшей ликвидации каст. Когда Август пожаловался, что изменения происходят не так быстро, как хотелось бы, отец поставил Августа на место и попросил уважать королевский план. А когда отцу не удалось сразу стереть в общественном сознании позорное пятно принадлежности к низшим кастам, Август заявил, что ему следует стащить свою королевскую задницу с трона и выйти на улицы. Папа был весьма терпеливым человеком, а вот Август, насколько я помню, вечно находился на взводе. В результате они крупно повздорили, и Август с Джорджией собрали манатки, не забыв прихватить заодно своего робкого сына, и в ярости выкатились вон.

С тех пор я раз или два слышала голос Марида по радио, где он выступал в качестве политического и финансового

обозревателя, но сейчас, когда я смотрела, как шевелятся, растягиваясь в улыбке, его губы, подобная синхронизация звука и изображения вдруг показалась донельзя странной, тем более что Марид запомнился мне на редкость угрюмым подростком.

– Если честно, я не понимаю, почему наши отцы перестали общаться. Вы же видели, что мы честно пытались решить проблему с посткастовой дискриминацией. Мне всегда казалось, что рано или поздно один из них сделает шаг навстречу. Ведь если чья-то гордость и была задета, то все это уже быльем поросло.

Марид предложил мне согнутую в локте руку:

– А что, если нам немножко пройтись и поговорить?

Я взяла его под руку и мы пошли по коридору.

– Ну и как идут дела?

– Пожалуй, лучше, чем могло быть, учитывая сложившиеся обстоятельства, – пожала я плечами.

– Мне хотелось бы предложить вам посмотреть на вещи с хорошей стороны, но как найти эту хорошую сторону?

– На данный момент единственная хорошая вещь – то, что я могу помочь родителям.

– Верно. Хотя кто знает? А вдруг вы совершите кардинальный прорыв, находясь у руля государства! Например, в решении посткастовых проблем. Наши родители в свое время не справились, но что, если у вас получится?!

Вопреки его ожиданиям, эта мысль меня не слишком-то

вдохновила. Я не собиралась засиживаться на отцовском месте достаточно долго для того, чтобы производить коренные изменения.

– Сомневаюсь, что я на это способна.

– Но, ваше высочество...

– Ради бога, Марид, для тебя я Идлин. Ты ведь знал меня тогда, когда я даже еще не родилась.

Он усмехнулся:

– Истинная правда. И все же на данный момент вы правите государством, а потому я должен обращаться к вам как подобает.

– А как мне тебя называть?

– Верноподданным ее королевского высочества и никак иначе. И в эти нелегкие времена я готов предложить вам помощь и поддержку. Да, вопреки нашим ожиданиям, ликвидация каст с самого начала не задалась. Но я много лет чутко прислушивался к общественному мнению. Полагаю, мне удалось уловить основной тренд, и, если мои комментарии вдруг окажутся вам полезными, я всегда к вашим услугам.

Я приняла его слова к сведению. Благодаря Отбору я узнала гораздо больше о жизни простых людей, и все же специалист по общественному мнению будет идеальным оружием в моем арсенале. У меня не имелось слишком амбициозных планов на короткий период регентства, но я хотела показать своему народу, что мне не безразличны их нужды. Это было особенно важно в свете того, что написал в письме Арен.

Всякий раз, как я вспоминала слова брата, мне казалось, будто меня ударили ниже пояса. Но я знала: Арен никогда не стал бы рассказывать мне о негативном настрое подданных, если бы не считал, что для меня это только полезно. И хотя он меня бросил, я тем не менее полностью доверяла его мнению.

– Спасибо тебе, Марид. Если я смогу снять стресс, который у папы вызывает ситуация в обществе, для него это будет подарком Небес. А когда он снова сядет на трон, пусть в стране царят мир и согласие. Договорились, будем на связи.

Он достал из кармана визитную карточку и протянул мне:

– Это мой личный номер. Звоните в любое время.

– А твои родители не рассердятся на тебя за то, что ты мне помогаешь? И не будет ли это выглядеть как братание с врагом?

– Нет-нет, – отмахнулся Марид. – Ведь у наших родителей одна и та же цель. Просто они используют разные методы для ее достижения. Да и вообще, сейчас, когда ваша матушка так тяжело больна, вам не стоит беспокоиться о вещах легко поправимых. И поднять, например, моральный дух нашего народа вполне в наших силах. В настоящий момент я, как никогда, уверен, что родители одобряют наше сотрудничество.

– Будем надеяться, – отозвалась я. – А то в последнее время все рушится прямо на глазах. И мне, пожалуй, не помешает заняться восстановительными работами.

Глава 4

Я залезла в ванну, невольно отметив, что там не было ни лаванды, ни мыльных шариков, ничего, чтобы сделать купание более приятным. Элоиза оказалась спокойной и шустрой, но до Нины ей было как до луны. Я горестно вздохнула. Хотя все это, конечно, не имело значения, поскольку лишь в тесном пространстве ванной комнаты я могла наконец перестать притворяться, будто знаю, что делаю. Я прижала колени к груди и дала волю слезам.

Что мне делать? Арена больше не было рядом, а без его советов я, кажется, совершала ошибку за ошибкой. И почему он до сих пор так и не позвонил? И почему первым же рейсом не вернулся домой?

А что, если они вынут у мамы из горла трубки и она не сможет дышать самостоятельно? И хотя до сих пор я серьезно не задумывалась о замужестве и детях, но всегда представляла, как она танцует на моей свадьбе и воркует над моим первенцем.

А что, если ей не удастся это сделать?

И как, спрашивается, я смогу занять папино место? За сегодняшний день я до смерти вымоталась. Невозможно представить, что ежедневно придется тянуть этот воз все последующие недели, не говоря уже о долгих годах, когда я унаследую престол.

И как, спрашивается, мне выбирать себе мужа? И какой вариант будет оптимальным? Кого скорее всего одобрит публика? И правомерно ли задавать подобный вопрос?

Я вытерла глаза кулаком, точно ребенок, и пожалела, что нельзя повернуть время вспять, когда я пребывала в счастливом неведении о том, сколько проблем может накопиться буквально за один день.

У меня была власть, но я не знала, как ею воспользоваться. Я была правителем, не умевшим править. Я была близнецом, потерявшим свою половинку. Я была дочерью отсутствующих родителей. У меня было полдюжины поклонников, но я не знала, что такое любовь.

Сердце сжало так сильно, что стало трудно дышать. Я потерла грудь, подумав о том, что у мамы, возможно, все именно так и начиналось. Я села, разбрызгивая на пол воду, и постаралась выбросить эту мысль из головы.

Ты в порядке. Она в порядке. Тебе просто надо продолжать идти вперед.

Я оделась и уже собралась ложиться в постель, когда услышала неуверенный стук в дверь.

– Иди? – позвал меня мальчишеский голос.

– Остен?

Он просунул голову в дверь, и, увидев у него за спиной Кейдена, я бросилась к братьям.

– Ребята, у вас все хорошо?

– Мы в порядке, – заверил меня Кейден. – Мы нисколько

не напуганы, и вообще.

– Да-да, нисколечко, – подтвердил Остен.

– Но мы волнуемся, как там мама. Вот и подумали: может, ты хоть что-то знаешь.

Я шлепнула себя по лбу:

– Простите. Мне, конечно, надо было ввести вас в курс дела. – Я проклинала себя: вместо того чтобы найти время успокоить братьев, я двадцать минут нежилась в ванной. – Она поправляется. – Я очень тщательно выбирала слова. – А для этого ее держат в состоянии искусственного сна. Вы ведь знаете нашу маму. А иначе она принялась бы ходить за нами по пятам. И проверять каждый наш шаг. А во сне она окрепнет и проснется практически здоровой.

– Ох! – Остен даже немного воспрял духом, и я поняла, что при всей легшей на мои плечи нагрузке мальчикам пришлось куда тяжелее, чем мне.

– А как там Арен? – Кейден ковырял заусеницу, чего раньше за ним не водилось.

– От него пока ни слуху ни духу, но я уверена, это исключительно потому, что он сейчас устраивается на новом месте.

Судя по выражению лица Кейдена, мой ответ его явно не удовлетворил.

– А как, по-твоему, он вернется?

Я сделала глубокий вдох:

– Давай сегодня не будем об этом. Не сомневаюсь, он скоро позвонит и все расскажет. Ну а сейчас единственное, что

вам нужно знать, — то, что ваш брат счастлив, мама поправляется и у меня все под контролем. Договорились?

— Договорились, — кивнули они.

У Остена неожиданно задрожали губы.

— Это я виноват, да?

— С чего ты взял? — Я опустилась перед ним на колени.

— Мама. Заболела из-за меня. Она всегда говорила, чтобы я уgomонился, а затем проводила рукой по волосам, словно очень устала. Это я виноват. Я ее утомил.

— По крайней мере, ты не доставал ее с уроками и школой, — тихо возразил Кейден. — Я вечно донимал ее своим нытьем. Меня не устраивали книжки и учителя. А еще отвлекал ее вопросами, когда она была занята. Да и вообще она тратила на меня кучу времени.

Итак, теперь каждый из нас винил лично себя. Замечательно.

— Остен, выбрось подобные мысли из головы. Раз и навсегда. — Я притянула брата к себе. — Мама — королева. У нее и без тебя масса поводов для волнений. Да, конечно, быть матерью — это тяжелый труд, но зато мы всегда умели ее развеселить. А кто из нас четверых самый заводной?

— Я. — Его голос звучал едва слышно. Остен хлопнул носом и попытался улыбнуться.

— Вот именно. А теперь ты, Кейден. Как думаешь, что для мамы будет лучше? Ответить на твои вопросы или дать тебе путевку в жизнь без полного набора правильных ответов на

них?

Кейден продолжал нервно ломать пальцы.

– Да, она наверняка предпочла бы, чтобы я сперва обратился к ней.

– Вот и договорились. Хотя что уж там душой кривить! Мы с вами еще та компашка! – Я улыбнулась братьям. Остен рассмеялся, а лицо Кейдена просветлело. – И что бы ни случилось, она всегда была готова прийти на помощь. Если бы ей пришлось решать, что лучше: разбирать ужасные каракули своей дочери или вообще не иметь таковой, она остановилась бы на первом. И вообще, она согласна была служить нам ходячей энциклопедией, лишь бы почаще общаться со своими детьми. И она предпочла бы постоянно уговаривать тебя сидеть смирно, нежели иметь только троих детей. Так вот, зарубите себе на носу: она заболела вовсе не из-за нас. – Я ожидала, что братья сразу повернутся и убегут, чтобы начать зализывать раны, но они не тронулись с места. И я мысленно вздохнула, понимая, чего они от меня ждут и что придется пожертвовать возможностью спокойно поспать. – Вы хотите остаться у меня ночевать, да?

Остен ринулся к моей кровати:

– Да!

Я покачала головой. Ну что прикажешь делать с этими сорванцами?! Я залезла в кровать, Кейден притулился к моей спине, а Остен положил голову на соседнюю подушку. Я заметила, что забыла погасить свет в ванной, но махнула на

это рукой. Нам сейчас и впрямь не помешает чуть побольше света.

– Но без Арена все-таки не то, – прошептал Кейден.

– Да, как-то неправильно, – поддержал брата Остен.

– Знаю. Не стоит расстраиваться. У нас будет новая нормальность. Вот увидите.

Правда, для этого придется очень постараться, хотя бы ради братьев.

Глава 5

– Доброе утро, ваше высочество.

– Доброе утро, – ответила я лакею. – Чашку крепкого кофе, пожалуйста. А на завтрак – то, что наш шеф-повар приготовил для Элиты.

– Будет сделано.

Он принес блинчики с черникой, жареные колбаски и разрезанные пополам крутые яйца. Я ковырялась в тарелке, одновременно просматривая газеты. Там писали о ненастной погоде в некоторых районах королевства, строили догадки, кого я наконец выберу в мужья, но в основном все материалы были посвящены всеобщей озабоченности здоровьем моей мамы. Я была растрогана. Ведь я опасалась, что страна восстанет, когда меня объявят регентшей. В глубине души я по-прежнему боялась, что если проявлю хоть малейшую слабость, то народная ненависть обрушится на меня со всей беспощадностью.

– День-день, ваше высочество, – услышала я чей-то голос.

Хотя нет, не *чей-то*. Приветствие Генри я узнала бы даже на том свете.

Я с улыбкой подняла голову и помахала им с Эриком рукой. Мне даже нравилось, что на Генри не действовала царящая во дворце мрачная атмосфера. А Эрик, казалось, был тем самым человеком, который спокойно и доброжелательно

направлял Генри твердой рукой, помогая спуститься с небес на грешную землю.

Остен с Кейденом вошли вместе с Кайлом. Судя по всему, Кайл явно пытался развеселить моих братьев, и не безуспешно, поскольку те отвечали ему сдержанными ухмылками. Ин появился в компании Хейла и Фокса, и я была приятно удивлена, что ему наконец-то удалось найти общий язык с другими парнями. Ганнер потерянно плелся позади них. Я оставила его в Элите исключительно как автора того памятного стихотворения, рассмешившего меня до слез. Но в принципе Ганнер был для меня загадкой, поскольку я пока не успела поближе узнать его. Придется теперь по мере сил наверстывать упущенное.

Братья заняли свои обычные места, причем оба казались непривычно притихшими. А когда я увидела, как опустел наш семейный стол, у меня закололо сердце. На душе вдруг стало тоскливо, и как-то незаметно меня окутала тихая печаль одиночества. Более того, я заметила, что печаль эта подкрадывается и к моим младшим братьям, которые, сами того не замечая, сидели понурившись и угрюмо молчали.

– Остен? – (Он исподлобья посмотрел на меня, и я поймала на себе взгляды своих мальчиков.) – А ты помнишь, как мама когда-то пекла нам блинчики?

Кейден расхохотался и, повернувшись к присутствующим, сказал:

– Мама в детстве очень любила готовить, а потом время от

времени стряпала и для нас, просто развлечения ради. Последний раз это было, быть может, года четыре назад.

– Ну да. Она, конечно, понимала, что растеряла свои кулинарные навыки, но ей вдруг захотелось испечь блинчики с черникой. Но вся фишка была в том, что она решила сделать из ягод узоры в виде звездочек, цветов и смешных рожиц. Но пока она выводила узоры, тесто на сковородке вконец подгорело, что обнаружилось, когда она стала переворачивать блинчики.

Остен весело рассмеялся:

– Ой, я помню! У нее получились не сдобные, а хрустящие блинчики!

– А ты, вредина, даже не захотела попробовать мамину стряпню!

Я виновато покачала головой:

– Да, но я сделала это исключительно из чувства самосохранения.

– А на самом деле блинчики получились что надо! Хрустящими, но вкусными. – Остен положил в рот кусочек лежавшего перед ним на тарелке блинчика. – Нет, этим блинчикам до маминых далеко!

Я услышала чей-то тихий смех. Это был Фокс, который явно хотел что-то сказать.

– Мой папа тоже был ужасным поваром, – произнес Фокс, немного повысив голос. – Но мы в основном жарили на гриле, и папа вечно говорил, что это сплошные угли.

– Типа подгорело, что ли? – поинтересовался Ганнер.

– Ну да.

– А вот мой папа... – застенчиво начал Эрик, и я удивилась, что он решил присоединиться к общей беседе. – У них с мамой было фирменное блюдо, которое они готовили друг для друга. Причем оно требовало обжарки. И последний раз, когда папа занимался готовкой, он так надымил, что, пока комната проветривалась, им пришлось взять меня и уехать из дома на два дня.

– А у тебя что, не было своей комнаты? – поинтересовался Кайл.

Эрик покачал головой:

– Нет. Я спал в гостиной, за что мне приходилось жестоко расплачиваться, когда мама просыпалась в шесть утра и затевала уборку.

Ганнер сочувственно рассмеялся:

– Ну почему, почему у родителей вечно так? И обязательно в тот самый день, когда, по идее, можно подольше поспать.

– А разве нельзя просто попросить их этого не делать? – удивленно сощурилась я.

– Ну вам, ваше высочество, конечно можно, – загоготал Фокс.

Я отлично понимала, что если меня поддразнивают, то вполне добродушно.

– Кстати, именно потому, что жизнь нас не слишком ба-

ловала, мы не хотим проиграть и лишиться этой красоты. – Хейл обвел рукой стол, а потом комнату.

– Ко мне это не относится, – ровным голосом произнес Кайл.

Обеденный зал утонул в гуле голосов, все наперебой принялись говорить, каждое новое замечание пробуждало новый поток воспоминаний. Разговор стал таким громким, а смех – несдержанным, что никто и не заметил, как какая-то служанка вышла на середину зала. Сделав реверанс, она прошептала мне на ухо:

– Ваша матушка проснулась.

И я сразу ощутила целую гамму эмоций, среди которых явно преобладала безумная радость.

– Спасибо! – не дожидаясь Кейдена и Остена, я как ошпаренная выскочила из комнаты.

Я бежала по коридору, не чуя под собой ног, но, влетев в больничное крыло, на секунду остановилась перед маминой палатой, чтобы взять себя в руки. Осторожно открыв дверь, я сразу услышала пиканье кардиомонитора, который на мгновение замер, когда я поймала мамин взгляд.

– Мама, – пролепетала я.

Стоявший рядом с ее постелью отец посмотрел на меня через плечо. Его глаза, с черными полукружиями внизу, были полны слез.

– Идлин, – прошептала мама, протянув мне руку.

Я медленно подошла к кровати, на секунду ослепнув из-

за туманивших взор слез.

– Привет, мама. Как самочувствие? – Я осторожно взяла маму за руку, стараясь не слишком сильно сжимать ее пальцы.

– Чуть-чуть побаливает. – Значит, болело очень сильно.

– Только, ради бога, не гони лошадей. Тебе нужно время, чтобы поправиться.

– А сама-то ты как?

Я выпрямилась, чтобы выглядеть убедительно:

– У меня все под контролем. Кейден и Остен – просто молодцы. Уверена, они с минуты на минуту будут здесь. И сегодня вечером у меня свидание.

– Хорошая работа, Иди. – Отец ухмыльнулся и снова повернулся к маме: – Вот видишь, дорогая? Я там особо и не нужен. И спокойно могу остаться с тобой.

– Арен? – спросила мама, сделав паузу, чтобы отдышаться.

Я мгновенно сникла. Но не успела я открыть рот, чтобы сказать ей, что он так и не объявился, за меня ответил папа:

– Он звонил утром.

– Ой! – Я оцепенела от удивления.

– Он надеется скоро вернуться домой, но тут, по его словам, возникли некоторые затруднения. К сожалению, ему некогда было все объяснять. Он просил меня передать, что любит тебя.

Я надеялась, что эти слова относятся и ко мне тоже, но

папа смотрел лишь на маму.

– Я хочу своего сына, – дрогнувшим голосом сказала мама.

– Знаю, дорогая. Потерпи. Он скоро будет здесь. – Папа сжал мамину руку.

– Мама?

В комнату вошел Остен. Судя по его лицу, он едва сдерживал волнение. Кейден откровенно хлюпал носом, стараясь не разрыдаться.

– Привет всем. – Мама умудрилась изобразить широкую улыбку, а когда Остен наклонился и крепко обнял ее, сморщилась от боли, но не проронила ни звука.

– Мы очень хорошо себя вели, – сообщил он.

– Расскажи кому-нибудь другому, – улыбнулась мама, и мы засмеялись.

– Привет, мам. – Кейден поцеловал маму в щеку, явно опасаясь дотронуться до нее.

Она провела рукой по его лицу. Похоже, наше присутствие с каждой минутой придавало ей новые силы. Интересно, а что было бы, если бы тут появился Арен? Может, тогда мама сразу вскочила бы с кровати?

– Я хочу, чтобы вы знали. Со мной все в порядке. – Ее грудь тяжело вздымалась, но на губах по-прежнему играла улыбка. – Полагаю, завтра я уже смогу подняться к себе наверх.

Папа поспешно кивнул:

– Да, если сегодняшний день пройдет без особых происшествий, ваша мама сможет вернуться в свою комнату.

– Вот здорово! – шумно обрадовался Кейден. – Значит, ты уже на полпути к выздоровлению.

Мне не хотелось его разочаровывать, впрочем, и Остена тоже. Кейден, от природы сообразительный, обычно сходу умел различать притворство, но сейчас явно выдавал желаемое за действительное.

– Конечно, – отозвалась мама.

– Хорошего понемножку, друзья, – подал голос папа. – С мамой вы уже повидались, ну а теперь живо к себе. Ведь нам надо управлять страной!

– Идлин дала нам выходной, – запротестовал Остен.

Я виновато улыбнулась. Когда мы сегодня проснулись, это действительно был мой единственный приказ. Я хотела, чтобы они просто поиграли и немного развеялись.

Мама рассмеялась. Тихий, но чудесный звук.

– Надо же, какая у нас великодушная королева!

– Я еще не королева, – запротестовала я, тихо радуясь, что настоящая королева жива и даже улыбается.

– Однако, – перебил меня папа, – твоя мама нуждается в отдыхе. Я обязательно позову вас всех вечером, перед тем как она ляжет спать.

Мальчики сразу успокоились и направились к выходу, на прощание помахав маме рукой.

Я поцеловала маму в лоб:

– Мама, я люблю тебя.

– Ты моя девочка. – Она погладила меня по голове дрожащими пальцами. – Я тоже тебя люблю.

Ее слова стали для меня утешением в свете предстоящего нелегкого дня, а кроме того, я надеялась получить моральную поддержку от Кайла Вудворка, причем уже этим вечером.

Выходя из больничного крыла, я столкнулась с еще одним представителем семейства Вудворк.

– Мисс Марли?! – удивленно воскликнула я. Она сидела на скамье и нервно мяла в руках носовой платок, глаза у нее опухли от слез. – Вы в порядке?

Она улыбнулась:

– Более чем. Я так боялась, что мы ее потеряем... и, положив руку на сердце, даже страшно представить, что бы я без нее делала. Ведь практически всю свою жизнь я провела рядом с твоей мамой.

Опустившись на скамью, я обняла мамину ближайшую подругу, и она прижала меня к себе, словно родную дочь. На душе у меня было тоскливо, я понимала: мисс Марли говорит от чистого сердца, не разыгрывая мелодрам. Ее покрытые шрамами ладони были свидетельством трагической истории этой женщины, начинавшей как честолюбивая конкурсантка, неумышленно ставшей презренной предательницей, а сразу после этого – любимой королевской фрейлиной. Мама с мисс Марли в своих воспоминаниях несколько ла-

кировали прошлое, но я никогда не пыталась докопаться до правды, потому что боялась ступить на зыбкую почву. И сейчас у меня невольно возник вопрос. А что, если мисс Марли иногда все же казалось, будто их с мужем многолетняя преданность слишком высокая цена за полученное от моих родителей прощение?

– Я узнала, что тебе с братьями разрешили навестить маму, и тоже решила ее проведать, но не хотела вам мешать.

– А разве вы не видели, как уходили мальчики? Наш визит уже закончился. Советую вам поторопиться, а не то она снова уснет. Мама наверняка будет счастлива вас видеть.

Мисс Марли вытерла мокрые щеки:

– А как я выгляжу?

– Очень несчастной, – рассмеялась я. – Поторопитесь. Кстати, не могли бы вы сделать мне одолжение? Время от времени проверять, как там мои родители? Потому что мне вряд ли удастся заходить туда так часто, как хотелось бы.

– Не переживай. Буду постоянно держать тебя в курсе.

– Мисс Марли, я ваша должница.

Обняв меня на прощание, она направилась в больничное крыло. Я тихонько вздохнула, пытаясь получить удовольствие от коротких минут покоя. Хотя что уж там душой кривить? На данный момент все складывалось наилучшим образом.

Глава 6

Кайл, положив мне руку на талию, вел меня вглубь сада. Полная луна висела так низко, что, несмотря на позднее время, на тропинку ложились длинные тени.

– Ты этим утром была очень убедительна, – покачал головой Кайл. – Мы все ужасно волновались за твою маму, да и без Арена как-то непривычно. А Кейден? Я еще никогда не видел его таким... потерянным.

– Просто ужасно. Ведь у него в принципе очень устойчивая психика.

– Не переживай. Он сейчас выбит из колеи, что вполне понятно.

Я прильнула к Кайлу:

– Знаю. Просто мне тяжело видеть, что даже такой невозмутимый мальчик, как он, может потерять самообладание.

– Вот потому-то завтрак так великолепно и прошел. Я боялся, что мы будем сидеть, словно воды в рот набрали. Но ты сумела развязать нам всем языки, и это замечательно. Похоже, у тебя открылся новый талант. Только не вздумай о нем забывать. – Кайл погрозил мне пальцем.

– Какой талант? Отвлекать внимание?

– Нет. – Кайл пытался найти подходящее слово. – Я бы сказал, умение снимать напряженность. Я имею в виду, что ты и раньше это умела. Во время праздников и выпускных

«Вестей». Ты давала определенный толчок. Чего никому другому не удавалось.

Мы подошли к границе сада. Дальше уже начиналась открытая местность, за которой виднелся лес.

– Спасибо. Твои слова очень много значат для меня. А то я переживала.

– Ну это как раз совершенно нормально.

– Хотя тут дело не только в маме. – Я остановилась, понимая, как много мне надо ему сказать. – Арен оставил мне письмо. А ты знал, что люди недовольны монархией? Мной, в частности. И теперь, когда мне пришлось стать регентшей, я, честно говоря, боюсь, что народу это не понравится. В меня уже швырялись едой. И я прочла о себе целую кучу жутких статей... А что, если они придут по мою душу?

– Ну и что с того? – пошутил Кайл. – Не похоже, чтобы у нас было много вариантов. Наша страна могла стать диктатурой, и люди ходили бы по струнке. Ну, может, федеративной республикой, конституционной монархией... Ох, возможно, теократией! Можно передать всю власть Церкви.

– Кайл, я серьезно! А что, если они меня свергнут?

Он взял мое лицо в свои ладони:

– Идлин, этого не случится.

– Но раньше такое уже бывало! Именно так в свое время погибли мои бабушка с дедушкой. Люди ворвались к ним в дом и убили их. А ведь народ буквально боготворил бабушку!

Я чувствовала, как в глазах вскипают слезы обиды. Черт, в последнее время я превратилась в самую настоящую плаксу! Я вытерла слезы тыльной стороной ладони, накрыв рукой пальцы Кайла.

– Послушай меня, – сказал Кайл. – То была горстка радикалов. Но теперь их нет, а люди сейчас слишком заняты налаживанием своей жизни, а потому вряд ли захотят тратить драгоценное время на то, чтобы влезать в твою.

– Но я не могу делать на это ставку, – прошептала я. – Ведь раньше я искренне верила в незыблемость определенных вещей, но за последние несколько недель все стало разваливаться прямо на глазах.

– Может, ты... – начал Кайл и замолчал, посмотрев мне в глаза. – Может, помочь тебе отвлечься, чтобы ты на время забыла о проблемах?

Я нервно сглотнула, обдумывая его предложение. Мы были вдвоем тихим вечером в темном душистом саду, совсем как тогда, в ночь нашего первого поцелуя. Только на сей раз никто не подстерегал нас за углом, чтобы сделать сенсационный снимок на первую полосу. Родителей поблизости не было, гвардейцы не ходили за нами по пятам. И мне на секунду показалось, что ничто не может помешать исполнению моего желания.

– Идлин, я сделаю все, что ты попросишь.

– Но я не могу просить, – покачала я головой.

– А почему нет, – прищурился Кайл. – Неужели я что-то

сделал не так?

— Да нет же, глупенький. Очевидно... — Я замялась и осторожно отстранилась. — Похоже, ты все сделал так. Просто я не могу тебя поцеловать, словно это шутка такая, потому что, как оказалось, наши отношения для меня вовсе не шутка. — Я уставилась в землю, чувствуя, что начинаю потихоньку раздражаться. — Кстати, это твоя вина. — Я сердито сверкнула на него глазами. — Когда ты мне не нравился, я прекрасно себя чувствовала. Мне вообще никто не нравился, и слава богу! — Я закрыла лицо руками. — А теперь я уже на середине Отбора, но так запуталась, что не способна нормально сообщать. Ты очень много для меня значишь, но я не уверена, как теперь с этим быть. — Набравшись мужества, я подняла глаза на Кайла и увидела его ухмылку. — Только, ради всего святого, не смотри на меня с таким самодовольным видом!

— Прости, — сказал он, продолжая улыбаться.

— Неужели трудно понять, что мне безумно страшно тебе такое говорить?!

Он снова придвинулся поближе:

— Полагаю, так же страшно, как мне выслушивать.

— Кайл, я серьезно.

— Я тоже! Но, во-первых, мне как-то странно думать, что ты можешь говорить серьезно. Ведь у тебя есть титул, и престол, и распланированная на много лет вперед жизнь. И с моей стороны было бы безумием пытаться туда влезть. А во-вторых, мне лучше, чем кому бы то ни было, известно, что

ты боишься раскрыть свои карты. И подобное признание для тебя – словно нож острый.

Я кивнула:

– Не то чтобы я окончательно спятила, запав на тебя... Хотя, наверное, так оно и есть.

– Надо же, какая досада! – рассмеялся Кайл.

– Но я должна знать, пока мы не зашли слишком далеко, испытываешь ли ты ко мне хоть нечто подобное? Пусть не любовь, но намек на нее. Потому что, если нет, мне придется строить планы на будущее.

– А если да?

Я подняла руки и бессильно опустила их:

– Мне все равно придется строить планы на будущее, но уже другие.

Кайл тяжело вздохнул:

– Так уж получилось, что ты тоже для меня очень много значишь. И я это понял благодаря своим эскизам.

– Ой как романтично!

– Нет, я серьезно. Что-то типа того, – рассмеялся Кайл. – Обычно я очень увлеченно проектирую небоскребы или дома для бездомных – одним словом, то, что останется в памяти потомков или поможет людям. Но позавчера я поймал себя на том, что проектирую для тебя летнюю резиденцию, этакий дворец в миниатюре, быть может, даже с виноградником. А утром мне пришла в голову идея насчет пляжного домика.

– Надо же, я всегда мечтала о пляжном домике! – ахнула я.

– Хотя мы навряд ли сможем им воспользоваться. Ты ведь у нас очень занятой человек. Тебе надо править миром и все такое.

– И тем не менее очень мило, что ты обо мне подумал.

– Похоже, все мои последние творческие проекты так или иначе связаны с тобой, – пожал плечами Кайл.

– И для меня это очень много значит. Я прекрасно понимаю, насколько важна для тебя твоя работа.

– Тут дело даже не в работе, а в том, что мне не безразлично.

– Ну тогда ладно. Как насчет того, чтобы определиться с терминологией? Будем считать, что мы друг другу небезразличны, а там поживем – увидим.

– Что вполне справедливо. Я вовсе не хочу тебя разочаровывать, но, по-моему, наши отношения еще рано называть любовью.

– Совершенно верно! – согласилась я. – Слишком рано, да и вообще любовь – это что-то очень большое.

– И очень трудоемкое.

– И очень пугающее.

– Как свержение с трона, да? – рассмеялся Кайл.

– Почти!

– Ух ты! Ну ладно. – Он продолжал улыбаться, вероятно, размышляя о наших мизерных шансах влюбиться друг в

друга. – Итак, что дальше?

– Думаю, я продолжу Отбор. Ты уж не обессудь, но пора двигаться вперед. Мне нужна определенность.

– Конечно, ведь именно такой ты мне и нравишься, – кивнул Кайл.

– Благодарю вас, сэр.

Мы стояли молча, прислушиваясь, как ветер колышет траву.

Кайл откашлялся и сказал:

– Полагаю, нам не помешало бы поесть.

– Согласна. Но при условии, что ты больше не заставишь меня готовить.

Он обнял меня за плечи, и мы повернули обратно к дворцу. Жест Кайла показался мне скорее дружеским, нежели интимным.

– Хотя прошлый раз мы классно провели время.

– Правда, единственное, что я узнала, – это зачем поварам масло.

– Ну тогда ты знаешь все, что нужно.

С утра пораньше я помчалась в больничное крыло. Мне не терпелось поскорей увидеть маму. Воочию убедиться в том, что она жива и идет на поправку. Приоткрыв дверь, я увидела, что мама уже проснулась и сидит на кровати, а вот папа спит, точно младенец. Он сполз с кресла на мамину кровать и лежал, положив одну руку под голову, а вторую – маме на

колени, а мама нежно перебирала его волосы. Увидев меня, мама с улыбкой прижала палец к губам. Я тихонько подошла к кровати с другой стороны и поцеловала маму в щеку.

— Ночью я то и дело просыпалась, — легонько сжав мне руку, прошептала мама. — Ужасно мешают эти дурацкие трубки. И каждый раз видела, что он смотрит на меня. Поэтому я рада, что ему наконец-то удалось заснуть.

— Я тоже. В последнее время он выглядит совсем замученным.

— Ну да, — улыбнулась мама. — Хотя на моей памяти бывало и похуже. Ничего, он справится.

— А доктора тебя уже осмотрели?

Она покачала головой:

— Я попросила их прийти чуточку попозже, чтобы твой папа мог немного отдохнуть. Да и вообще, я уже скоро вернусь в свою комнату.

Ну конечно. Ну конечно, женщину, которая только что перенесла инфаркт, сейчас больше всего волновала возможность поскорее перебраться в комнату поудобнее, где ее супруг мог бы с комфортом вздремнуть. Нет, я серьезно. Даже если мне и удастся найти себе пару, то нам до моих родителей, похоже, надо будет расти и расти.

— Как твои дела? Надеюсь, тебе все помогают? — спросила мама, продолжая гладить папу по голове.

— Я уволила Кодли. Похоже, вчера я забыла вам об этом сказать.

Мама застыла и впилась в меня взглядом:

– Что? Почему?

– Ой, да так, пустяки. Он всего-навсего собирался развязать войну.

Мама прикрыла ладонью рот, стараясь не рассмеяться над тем, с какой легкостью я объясняю свое посягательство на папину прерогативу. Но секундой позже улыбка исчезла с ее лица, и мама положила руки на грудь.

– Мам? – спросила я, наверное, слишком громко.

Папа моментально встрепнулся:

– Дорогая? Что случилось?

Мама покачала головой:

– Ничего. Просто немного тянут швы. Я в порядке.

Папа снова устроился в кресле, мгновенно стряхнув с себя остатки сна. А мама тем временем, чтобы сместить акценты, попыталась продолжить разговор:

– А как там твой Отбор? Как продвигаются дела на любовном фронте?

– Э-э-э... – Я замялась. – Кажется, нормально. Правда, у меня особо не было времени пообщаться с парнями, но я над этим работаю. Тем более что на носу очередной выпуск «Вестей».

– Милая, ты ведь знаешь, никто тебя не осудит, если ты прекратишь Отбор. Тебе в последнюю неделю и так здорово досталось, а сейчас ты временно исполняешь полномочия короля. Не уверена, стоит ли тебе совмещать эти два дела.

– Они, конечно, славные мальчики, – вмешался в разговор папа, – но в данный момент они отвлекают твое внимание от более важной задачи.

Я горестно вздохнула:

– Полагаю, нам следует перестать ходить вокруг да около и признать тот факт, что я не самый любимый член нашей семьи. По крайней мере, у широкой публики. Ты говоришь, меня никто не осудит, но я не сомневаюсь в обратном. – (Мама с папой переглянулись: они намеревались мне возразить, но в то же время не хотели грешить против истины.) – И если в один прекрасный день я собираюсь стать королевой, мне придется завоевать симпатии своего народа.

– И по-твоему, замужество – самое верное средство для достижения этой цели? – с сомнением в голосе спросила мама.

– Да. Ведь вся проблема в том, как они меня воспринимают. Я кажусь им слишком холодной. И единственный способ их разубедить – выйти замуж. Они считают меня слишком мужеподобной. А чтобы это опровергнуть, мне надо стать невестой.

– Ну, я не знаю. Мы по-прежнему сомневаемся, стоит ли тебе продолжать.

– Тогда, быть может, следует напомнить, что Отбор был твоей идеей?

Мама в ответ лишь тяжело вздохнула.

– Слушай свою дочь, – сказал папа. – Она умная девочка.

Вся в меня.

– А ты, случайно, не хочешь еще немножко вздремнуть? – невинным тоном поинтересовалась мама.

– Нет. Я чувствую себя как никогда отдохнувшим, – бодро отрапортовал папа.

Если честно, я не совсем поняла, то ли его заинтересовал наш разговор, то ли он просто хотел побыть с мамой. Но он явно говорил неправду.

– Папа, ты выглядишь так, что краше в гроб кладут!

– Манеру выражаться ты, должно быть, тоже у меня переняла.

– Папа, я тебя умоляю!

Он рассмеялся, мама последовала его примеру, но тотчас же прижала руки к груди.

– Вот видишь! Твои ужасные шутки опасны для жизни. Немедленно прекрати!

Папа улыбнулся маме:

– Идлин, делай что душно, и будь что будет. А мы со своей стороны тебя всячески поддержим.

– Благодарю. А теперь я вас обоих очень прошу хоть немного отдохнуть.

– Тоже мне, командирша выискалась! – притворно рассердилась мама.

Папа согласно кивнул:

– И кем, спрашивается, она себя возомнила?

Уже собираясь уходить, я окинула обоих внимательным

взглядом. Папа дружески мне подмигнул. Ладно, какие бы засады меня сегодня не ждали впереди, по крайней мере, у меня замечательные родители!

Из больничного крыла я отправилась прямо наверх, в кабинет, где, к своему крайнему удивлению, обнаружила на письменном столе восхитительный букет цветов.

– Кто-то явно необычайно высоко ценит вашу работу, – хмыкнула Нина.

– Или боится, что я скоро умру, не выдержав напряжения, и уже заранее готовит цветы на мою могилу, – пошутила я, не желая показывать приятного удивления.

– Расслабьтесь. Вы отлично справляетесь. – Нина смотрела не на меня, а на приложенную к букету визитную карточку.

Я прижала карточку к груди, пока Нина что-то бубнила, а затем подняла карточку повыше, чтобы прочесть.

Когда мы расставались вчера, Вы выглядели очень потерянной. Пусть сегодняшний день начнется для Вас на радостной ноте. Всегда к Вашим услугам. Марид.

Я с улыбкой передала карточку Нине, которая со вздохом бросила взгляд на огромный букет.

– Интересно, и от кого это? – В кабинет вошел генерал Леджер.

– От Марида Иллеа, – ответила я.

– Я слышал, он заезжал сюда. Он как, просто принес подарки или ему было от вас что-то нужно? – В голосе генерала

отчетливо слышались скептические нотки.

– Как ни странно, он всего-навсего хотел убедиться, что я ни в чем не нуждаюсь. Более того, он предложил мне руку помощи в работе с населением. Поскольку он гораздо лучше меня разбирается, как живут люди с учетом всех проблем, возникших после отмены каст.

Генерал Леджер остановился возле меня и уставился на экстравагантный букет:

– Даже и не знаю. Не могу сказать, что ваши семьи растались по-хорошему.

– Я помню. И очень хорошо. Но мне явно не помешает прямо сейчас научиться чему-то новому, чтобы быть в полной готовности, когда придет мое время.

Генерал улыбнулся, его лицо смягчилось.

– Это время уже пришло, ваше высочество. Мой вам совет: доверяй, но проверяй. Главное – не терять бдительности. Договорились?

– Есть, сэр.

Нина все еще находилась под впечатлением.

– Нет, кто-то должен сказать моему Марку, что пора выйти на авансцену. Я только что получила грандиозное повышение. И где, спрашивается, мои цветы?

– Возможно, он собирается вручить их тебе лично. Это куда более романтично, – сказала я.

– Ой ли?! Это при его-то работе! – с сомнением в голосе произнесла Нина. – Даже если все во дворце в одночасье

умрут и я каким-то чудом стану королевой, он и то вряд ли сумеет найти для меня время. Ведь он всегда занят!

И хотя Нина явно пыталась шутить, я чувствовала горечь в ее словах.

– Но ему нравится его работа, да?

– О да, он обожает свои изыскания. Мне просто надоело, что ему всегда некогда, да и вообще, что он так далеко от меня.

Поскольку я не нашла для Нины слов утешения, то снова перевела разговор на роскошный букет:

– А тебе не кажется, что цветов слишком много? Явный перебор!

– По-моему, все идеально.

Я покачала головой:

– Так или иначе, но букет следует унести и поставить в другое место.

– Неужели вам не хочется лишний раз им полюбоваться? – удивилась Нина.

– Нет. Мне нужно свободное место на столе.

Нина пожала плечами и осторожно понесла вазу с цветами в гостиную. Я же села за стол и попыталась сосредоточиться. Нужно было срочно придумать, как завоевать любовь своих подданных. Найти ход, как сказал бы Арен.

– Стой! – повысила я голос, и Нина застыла как вкопанная. – Пожалуй, оставь цветы, где стояли.

Нина, скорчив удивленную гримасу, вернула вазу на ме-

сто.

– С чего это вы вдруг передумали?

Я провела пальцами по поникшим лепесткам:

– Знаешь, только сейчас я поняла, что могу убеждать и успокаивать совсем как эти цветы.

Глава 7

Когда пришло время обеда, у меня возникли серьезные опасения, что я могу заснуть лицом в тарелку. Поэтому я уже начала было подумывать о том, чтобы пропустить обед. Ведь трапезы во дворце протекают достаточно спокойно, если, конечно, у меня вдруг не возникает желания как-то их оживить. Однако, спустившись вниз и увидев бабушку Сингер, которая метко швырнула сумку в гвардейца, я поняла: сегодня скучать вряд ли придется.

– И не надо мне говорить, что я не имею права приходить в такое время! – Она погрозила морщинистым кулаком, и я с трудом удержалась от смеха.

– А я и не говорил, мэм, – оправдывался гвардеец. – Я просто сказал, что уже довольно поздно.

– Королева наверняка захочет меня увидеть!

Что-что, а нагнать страху бабушка Сингер умела. Если, не дай бог, во время моего правления началась бы война, я непременно отправила бы ее на передовую. И уже через неделю она вернулась бы с победой домой, прихватив с собой поверженного врага.

Я вошла в вестибюль:

– Бабуля!

Она моментально отвлеклась от гвардейца, лицо ее приняло умильное выражение.

– А вот и моя дорогая девочка! Телик явно не способен передать твою красоту. Ты у меня просто прелесть!

Я наклонилась, чтобы она могла расцеловать меня в обе щеки.

– Спасибо, бабуля.

– А где твоя мать? Я хотела сразу приехать, но Мэй велела мне погодить.

– Сейчас ей уже гораздо лучше. Я тебя к ней провожу. Но, может, ты хочешь сперва поесть и отдохнуть с дороги? – Я кивнула на дверь в обеденный зал.

Когда я была еще маленькой, бабуля жила с нами во дворце, но мама, похоже, настолько достала бабулю своей опекой, что в конце концов она собрала вещи и вернулась домой. На самом деле ее так называемое утомительное путешествие заняло всего час, поскольку ей надо было лишь переехать из одного конца города в другой, но бабуля вела себя так, словно ей пришлось пересечь всю страну.

– Ну, я не откажусь, – подойдя ко мне, сказала бабуля. – Вот учитесь, как надо относиться к старшим, – метнула она сердитый взгляд в сторону несчастного гвардейца, который стоял столбом, прижимая к груди бабушкину сумку. – С должным уважением.

– Благодарю вас, офицер Фарроу. Пожалуйста, отнесите это на третий этаж, в гостевые апартаменты окнами в сад.

Гвардеец кивнул и тут же исчез, а мы с бабулей прошли в обеденный зал. Стоявшие у стены мальчики при виде матери

королевы удивленно переглянулись. Фокс, отделившись от остальных, подошел представиться.

– Миссис Сингер, счастлив познакомиться с вами, – протянул он руку.

– Иди, милочка, надо же, какой симпатяга! Ты только погляди на его лицо! – Она взяла Фокса за подбородок.

– Да, бабуля, я знаю. Именно поэтому он до сих пор здесь. – Я выразительно посмотрела на Фокса – типа не стоит обращать внимания. Но Фокс только покачал головой, донельзя довольный бабушкиной похвалой.

Ганнер, Хейл и Генри тоже подошли поздороваться с бабушкой, а я решила воспользоваться случаем и поговорить с Эриком.

– Скажи, ты завтра занят?

– Не думаю, – удивленно прищурился он. – А что?

– Да так. Планирую устроить короткую встречу с Генри.

– Ой, – покачал он головой, словно удивляясь, как я могу еще спрашивать. – Для вас мы всегда свободны.

– Отлично. Только ничего не говори.

– Естественно, нет.

– Что?! – повысила голос бабушка. – Повтори, что ты сказал!

Эрик поспешно подскочил к ней и поклонился:

– Прошу прощения, мадам. Сэр Генри родом из Свендвее и говорит только по-фински. Я его переводчик. Он сказал, что очень рад знакомству.

– О, все верно, все верно. – Бабушка взяла Генри за руку. –
Я ТОЖЕ ОЧЕНЬ РАДА ЗНАКОМСТВУ.

Я подтолкнула бабушку к своему столу:

– Бабуля, он не глухой.

– Ну, – протянула она, решив не вдаваться в дальнейшие объяснения.

– А ты разговаривала с дядей Джерадом?

– Джерад тоже рвался приехать. Но сейчас он работает над каким-то срочным проектом. Ты же знаешь, я никогда толком не могла разобрать, что он там говорит. – Бабуля покачала рукой, словно отмахиваясь от непонятных слов. – У меня есть новости от Коты. Но он не знает, заедет или нет. Они с твоей мамой уже много лет пытаются наладить отношения, но, похоже, ничего не получается. Хотя сейчас он стал уже гораздо лучше. Думаю, под влиянием жены.

Я провела бабушку вокруг стола, и она села на мое место. У меня не было постоянного места, но, поскольку папино кресло пустовало, все это создавало ощущение нереальности происходящего. И хотя папа передал мне все полномочия, у меня вдруг возникло такое чувство, будто я их украла.

– Тетя Леа не слишком-то похожа на безропотную овечку, – согласилась я. – Полагаю, рыбак рыбака видит издалека.

Лакеи поспешили поставить перед бабушкой суп, так как уже успели изучить ее нетерпеливый характер. Я с улыбкой смотрела, как бабуля набросилась на еду.

– Будем считать, что я ем за четверых. За себя, твоего де-

душку и твоих родителей.

Отодвинув тарелку с супом, я задумчиво подперла рукой подбородок:

– А каким был мой дедушка?

– Хорошим. Очень хорошим. Он всегда старался поступать правильно. И в отличие от меня, его было трудно расстроить или вывести из себя. Жаль, что ты его совсем не знала.

– Мне тоже.

Я решила, пусть бабуля спокойно обедает, и задумчиво обвела глазами обеденный зал. В том или ином аспекте каждый из парней был моей полной противоположностью. Если я была гордячкой, то Кайл – слишком смиренным. Генри видел жизнь в розовом свете, а я, наоборот, в мрачных тонах. Ин, Фокс, Ганнер... все они отличались от меня.

– А что, эта француженка подходит Арену? – Бабуля даже не пыталась скрыть своего пренебрежения.

Я тщательно обдумала ответ:

– Не совсем. Они как две половинки одного сердца, но в разных телах. – У меня на глаза навернулись слезы. Я ужасно устала и безумно скучала по Арену. – И тем не менее он безумно любит ее.

– Настолько, что даже дал деру от вас, – проворчала бабушка.

Я тяжело вздохнула:

– Совершенно верно, бабуля. Арен так мучительно пере-

живал разлуку с ней, что рискнул оставить свою семью и свой дом, наплевав на мнение остальных.

Бабушка уловила печальные нотки в моем голосе и ласково накрыла мою руку своей:

– Ты в порядке, милая?

– Конечно, – ответила я, проглотив слезы. – Немножко устала, только и всего. Пожалуй, мне надо пойти отдохнуть. – К нам подбежали Кейден с Остеном, так что у меня появился удобный предлог по-тихому уйти. – Мальчики проводят тебя к маме!

Бабушка буквально взвизгнула от радости:

– Мои маленькие!

Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, я осторожно попятилась назад и, пробравшись по стеночке, подошла к Генри.

Я похлопала его по спине, и он с довольной улыбкой поднял на меня глаза:

– Сегодня привет!

Хихикнув, я сказала ему:

– Как ты смотришь на то, чтобы завтра вместе сходить на ланч?

Я ждала, что Эрик протянет ему руку помощи, но Генри, похоже, сообразил, о чем речь.

– Завтра, ланч? – спросил он.

– Ага.

– Хорошо-хорошо! Да!

– Тогда до встречи, – улыбнулась я.

Уже на пороге я оглянулась и увидела, что Генри, явно на седьмом небе от счастья, возбужденно схватил Эрика за плечо. И вообще, Генри выглядел страшно довольным, что сумел пообщаться со мной без переводчика. Эрик кивнул, радуясь за друга, хотя улыбка его была какой-то невеселой.

Я посмотрела на часы. Первый час ночи. Если засну прямо сейчас, у меня останется пять часов на сон.

Но уже десять минут спустя я поняла: о том, чтобы заснуть, можно только мечтать. Весь день я так старательно гнала ненужные мысли прочь, что сейчас все недоделанные дела назойливо напоминали о себе, мешая уснуть и подталкивая к тому, чтобы завтра с новыми силами ринуться в бой.

Накинув халат, я пальцами расчесала волосы и босиком прошла в коридор. Быть может, стоит пойти в кабинет, чтобы доделать неотложные дела, тем самым утихомирив кипящие мозги, а уж потом лечь спать. Но в таком случае мне не помешает чашечка кофе.

Все служанки уже наверняка видят десятый сон, поэтому я направилась на кухню. На кухне день и ночь кипела работа, и я надеялась, что кто-нибудь мне поможет. На площадке второго этажа я испуганно отпрянула, увидев в полутьме мужскую фигуру.

– Ой! – воскликнул Эрик, заметив, что кто-то преградил ему дорогу.

Я поплотнее запахнула халат и откинула волосы назад, стараясь не выдать своего удивления.

Эрик отпрянул и поклонился, не зная, куда девать от смущения руки. Это выглядело настолько комично, что я не держала и рассмеялась.

Он усмехнулся и покачал головой, словно признавая нелепость ситуации. Он, как и я, был одет по-домашнему: в пижамных штанах в голубую полоску и простой хлопчатобумажной футболке, и тоже босиком.

– Что, ради всего святого, ты здесь делаешь в такой час? – удивилась я.

– Генри, попав в Элиту, усиленно совершенствует свой английский. И в свете завтрашнего свидания попросил меня провести дополнительные занятия. Мы расстались с ним всего несколько минут назад, а сейчас я иду на кухню за чаем и медом. Мед помогает лучше спать, – выпалил Эрик торопливой скороговоркой, словно боясь меня утомить.

– Правда? Тогда я завтра тоже попробую. А я как раз шла на кухню за кофе.

– Ваше высочество, вы, конечно, умнейшая женщина, и поэтому мне больно вам сообщать, что кофе не поможет вам уснуть. Отнюдь.

Я хихикнула:

– Ну да, я в курсе. Я собиралась немного поработать. Мне все равно было не заснуть, вот я и решила потрудиться на благо общества.

– Уверен, вы всегда трудитесь на благо общества.

Пригнув голову, я начала спускаться по лестнице, Эрик последовал за мной. Я шла и думала о том, каким безликим он показался мне при первом знакомстве. Серая тень Генри. Но теперь-то я знала: его простоватость служила ему своего рода щитом, скрывавшим умного, вдумчивого и забавного парня. И хотя я так и не поняла, к чему весь этот камуфляж, но уже не сомневалась, что Эрик гораздо более глубокая личность, чем мне показалось сначала.

– Ну и как продвигаются дела с уроками английского?

Эрик пожал плечами и заложил руки за спину:

– Неплохо. Но и без особых прорывов. То, что я говорил вам раньше, по-прежнему остается в силе. Ему потребуется куча времени, чтобы общаться с вами без переводчика. Однако он очень старается. Еще больше, чем раньше. – Эрик кивнул, словно мысленно оценивая плоды их совместной работы. – Простите, я совсем забыл спросить, как себя чувствуют ваши родители. Я слышал, ваша матушка проснулась и теперь идет на поправку.

– Так и есть, спасибо. Она собиралась вернуться к себе в комнату чуть ли не сегодня днем, но у нее возникли какие-то проблемы с уровнем кислорода в крови, и ее оставили в больничном крыле еще на одну ночь, чтобы сделать дополнительные анализы. А папа по-прежнему спит на раскладушке рядом с ее постелью.

– Да, выражение «в болезни и здравии» становится более

наглядным, когда видишь, как оно воплощается в жизнь.

– Если честно, иногда это меня даже пугает. Такой любящей пары я еще никогда в жизни не встречала и, боюсь, не встречу.

– Невозможно знать абсолютно все об отношениях других людей, даже если это твои родители, – усмехнулся Эрик и добавил: – Особенно если это твои родители. Зуб даю, ваш отец наверняка хотя бы однажды сделал вашей маме ужасный рождественский подарок, за что был на целый день подвергнут остракизму.

– Ну, это вряд ли.

Однако Эрика не так легко было сбить с толку.

– Поймите, в мире не бывает ничего идеального, даже если со стороны это и кажется таковым. Вот ваш брат, например, увез девушку и, закружившись в вихре страсти, поспешно женился, но прямо сейчас, например, выяснилось, что она так громко храпит, что невозможно уснуть. – (Я закрыла рот рукой не в силах сдержать приступ нервного смеха и мысленно представила себе беднягу Арена с подушкой на голове.) – Что вовсе не лишено вероятности. – Эрик был явно доволен, что сумел заставить меня улыбнуться.

– Ты разрушил созданный мной светлый образ Камиллы! И как я теперь смогу серьезно смотреть на нее?!

– А серьезно и не надо. Смейтесь. Ваше представление о любом из нас в той или иной степени наверняка ошибочно.

В ответ я покачала головой и вздохнула:

– Ты наверняка прав. Что еще больше усложняет мою задачу.

– Вы про Отбор?

– Иногда мне легче управиться с кучей политиков, чем с шестью парнями. По крайней мере, я поняла, что, наверное, упустила из виду массу вещей.

– Потому что полагались по большей части на интуицию?

– Ну да. Вот именно.

– Я хочу внести ясность относительно Генри. Он действительно такой славный, как кажется. Хотя вы, наверное, это уже и сами успели заметить, если оставили его в группе финалистов.

Меня несколько удивил тон Эрика. Ему, похоже, не слишком хотелось признавать данный факт.

Я всплеснула руками, поняв, что за разговорами мы прошли мимо кухни. Впрочем, никогда не поздно вернуться сюда за чашечкой кофе.

– Если честно, мне было трудно контролировать ситуацию. Ведь я отнюдь не собиралась проводить Отбор. Раньше принцессы выходили замуж в основном для укрепления международных связей, но мои родители пообещали предоставить мне полную свободу действий. Однако войти в забитую парнями комнату, чтобы выбрать среди них спутника жизни, оказалось... страшнее, чем я думала. Поэтому приходится полагаться на первое впечатление и надеяться, что никто из претендентов меня не обманывает.

Я украдкой посмотрела на Эрика: он внимательно меня слушал, но вид у него был подавленный.

– Звучит действительно устрашающе, – медленно произнес он. – Удивляюсь, как раньше это вообще работало. Не хочу показаться грубым, но тут есть нечто несправедливое.

– Именно так я и сказала родителям, когда мне предложили провести Отбор, – кивнула я. – Но они настояли на том, чтобы я все-таки попробовала. И вот...

– Значит, идея принадлежала не вам? – (Я на секунду замерла.) – А вы в принципе хотели, чтобы это случилось?

Я почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок, словно Эрик поймал меня на лжи. Что меня немного испугало, ведь на сей факт неоднократно намекали газеты, да и вообще для многих он уже не был тайной за семью печатями.

– Эрик, это должно остаться строго между нами. – Мои слова больше походили на просьбу, нежели на приказ. – Признаюсь, поначалу я была категорически против Отбора. Но сейчас...

– А сейчас вы влюбились? – с грустью в голосе спросил Эрик.

Я коротко расхохоталась:

– Ну, я испытываю целую гамму чувств. Растерянность, испуг, отчаяние, надежду. И было бы неплохо добавить к этому списку слово «влюбленность». – Тут я вспомнила о Кайле и нашем давешнем разговоре в саду. «Любовь» по-

прежнему было слишком громким словом для описания наших чувств, и я, естественно, не могла поделиться с Эриком тем, что говорила тогда Кайлу. — Иногда мне кажется, что любовь уже близко, но, как ни крути, мне надо довести Отбор до конца. По многим причинам. И ради многих людей тоже.

— Я искренне надеюсь, что вы причисляете себя к их числу.

— Так оно и есть. Хотя, возможно, причина совсем не в том, как может показаться со стороны. — (Эрик не ответил, он молча шел вперед, размышляя над моими словами.) — Только не вздумай передавать наш разговор. Господи, и зачем только я все это тебе рассказываю! Если, не дай бог, люди решат, что Отбор проводится лишь для отвода глаз, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.